

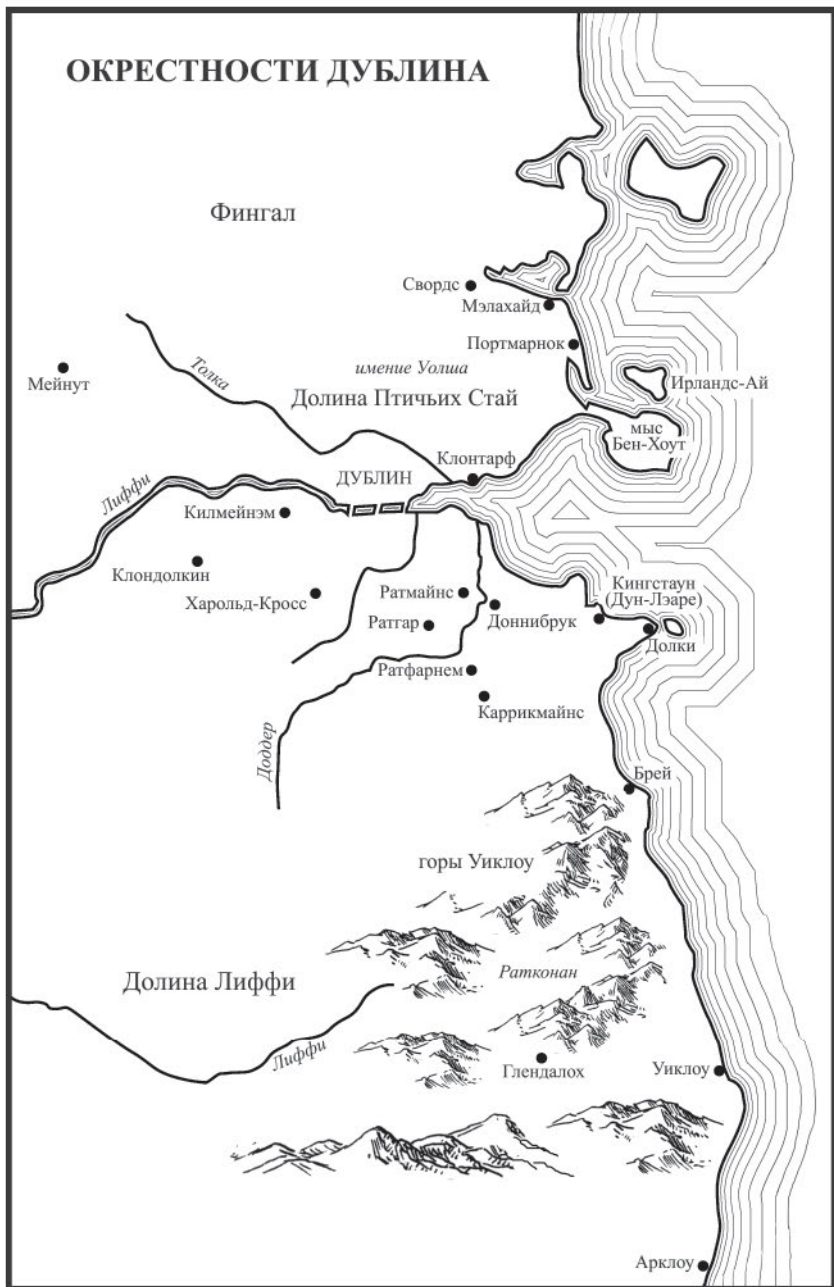
Содержание

Введение	15
КОЛОНИЗАЦИЯ	22
СВЯТОЙ ИСТОЧНИК	140
КРОМВЕЛЬ	201
ДРОЭДА	274
ПОСОХ СВЯТОГО ПАТРИКА	291
ГОСПОДСТВО	321
ДЖОРДЖИАНА	369
ГРАТТАН	408
КРУГЛОГОЛОВЫЕ	474
ЭММЕТ	580
ГОЛОД	626
ВИКТОРИЯ	725
ВОССТАНИЕ	747
Благодарности	829

ИРЛАНДИЯ

ОКРЕСТНОСТИ ДУБЛИНА

КОЛОНИЗАЦИЯ

1597 год

Доктор Симеон Пинчер знал об Ирландии все.

Доктор Симеон Пинчер был высоким, худым, лысеющим человеком, хотя ему и шел всего третий десяток, с болезненной внешностью и суровыми черными глазами проповедника. Он был человеком образованным, ученым, членом колледжа Эммануэль в Кембриджском университете. Однако, когда ему предложили место в новом Тринити-колледже в Дублине, он устремился туда с такой живостью, что его новые наниматели были заметно удивлены.

«Я немедленно приеду, — написал он, — чтобы потрудиться во славу Господа».

С таким заявлением вряд ли кто-нибудь решился бы спорить.

Но он отправился туда не только из миссионерского рвения. Еще до своего переезда в Ирландию доктор Пинчер обстоятельно ознакомился с вопросом. Он, например, узнал, что жители острова, или коренные ирландцы, как их теперь называли в Англии, были хуже животных и что им, как католикам, нельзя доверять.

В Ирландию доктор Пинчер прибыл с твердым убеждением: коренные ирландцы — это низшие существа и сам Господь намеренно пометил их — вместе со многими другими, конечно, — еще в начале времен и предназначил им вечно гореть в адском пламени. Ведь доктор Пинчер был последователем Кальвина.

Чтобы понять, как именно доктор Пинчер толкует учение великого протестантского реформатора, достаточно было послушать одну из его проповедей. Несмотря на молодость, он уже считался отличным проповедником, и его восхваляли за понятность и простоту слов.

— Логика нашего Господа, — мог сказать доктор Пинчер, — как и Его любовь, безупречна. А поскольку мы обладаем способностью рассуждать, которую в Своей бесконечной доброте даровал нам Господь, мы можем понять Его цель. — И, наклонившись немного вперед, чтобы помочь слушателям сосредоточиться, доктор Пинчер мог пояснить: — Подумайте. Невозможно отрицать то, что Бог — источник всяческого знания, для Него все века — это один лишь миг, а потому Он должен в Своей бесконечной мудрости знать все: прошлое, настоящее и будущее. Следовательно, и в данный момент Он знает, кто спасется в Судный день, а кто будет отправлен в глубины ада. Он установил порядок всех вещей с самого начала. И по-другому быть не может. И хотя в Своем милосердии Он оставляет нас в неведении относительно нашей судьбы, некоторые уже избраны для рая, а другие приговорены к аду. Божественная логика непогрешима, и все верующие должны трепетать перед ней. Тех, кто отмечен, кто будет спасен, мы называем избранными. Все остальные прокляты и погибнут. И потому, — доктор Пинчер смотрел на слушателей утраченным взглядом, — вы можете спросить себя: «Кто же я?»

Мрачную логику доктрины Жана Кальвина о предопределении трудно было опровергнуть. В том, что сам Кальвин, глубоко религиозный человек, руководствовался наилучшими намерениями, никто бы не усомнился. Его последователи стремились жить по всем правилам, быть честными, усердно трудиться и проявлять милосердие. Но некоторые критики этой доктрины считали, что идеи Кальвина рискованны: они могли привести к излишней суровости. Перебравшись из Франции в Швейцарию, Кальвин создал свою Церковь в Женеве. Правила в его общине были намного строже, чем у протестантов-лютеран, и он верил, что государство должно принудить верующих к строгости законом. Соблюдая собственную строжайшую мораль и донося властям на соседей за любое нарушение Божьих законов, эти люди не только рассчитывали получить место в раю, но и доказывали себе и миру, что они-то и есть те самые предсказанные избранные, которым назначено было прийти сюда.

Вскоре кальвинистские общины появились и в других частях Европы. Шотландские пресвитерианцы были известны строгой приверженностью доктринам предопределенности, Английская церковь и ее сестра Ирландская церковь также прониклись духом кальвинизма. «Только набожные принадлежат Церкви» — так заявляли в их общинах.

Могли ли в общине оказаться те, кто на самом деле вовсе не был избран для рая? Вполне могли оказаться, допускали кальвинисты. Признаком этого являлось любое отступление от строгой морали. И все равно, как заявил доктор Пинчер в одной из своих наилучших проповедей, оставалось немало сомнений.

— Ни один человек не ведает своей судьбы. Мы подобны людям, бредущим через замерзшую реку, глупо не думая о том, что лед в любое время может треснуть, расколоться, бросить нас в ледяные воды, под которыми, скрытые глубоко, горят яростные костры ада. А потому не надувайтесь гордостью, следуя законам Священного Писания, а помните, что все мы жалкие грешники и должны быть смиренными. Потому что это есть Божественная ловушка, и избежать ее невозможно. Все предсказано, и ум Бога, будучи совершенен, не изменится. — А затем, оглядев несчастную паству, доктор Пинчер обычно восклицал: — Но даже если все предопределено, если вы обречены, умоляю — не падайте духом! Потому что, как бы ни труден был путь, нам велено всегда надеяться!

Могла ли быть надежда у тех, кто не принадлежал к кальвинистским общинам? Возможно. Никому из людей не ведомы Божественные помышления. Но все-таки это казалось сомнительным. В особенности для католиков будущее выглядело весьма печально. Разве они не признают верховенства папистов, разве не поклоняются святым как идолам, то есть делают то, что в особенности запрещено Священным Писанием? Разве у них не было возможности отказаться от своих ошибок? По мнению доктора Пинчера, все последователи папы римского уверенно идут навстречу гибели, а коренные ирландцы, чей дурной характер хорошо известен, скорее всего, уже находятся в лапах дьявола.

Можно ли их спасти, если они обратятся к истинной вере? Можно ли таким образом исцелить их? Нет. Их грехи, полагал доктор Пинчер, — явный знак того, что все они изначально осуждены на ад. Они, как языческие духи, что были заразой тех мест, принадлежали подземному миру. И именно такие мысли поддерживали твердое решение доктора Пинчера, когда он пересекал море, направляясь в Дублин.

А что он думал о собственной судьбе? Был ли Симеон Пинчер уверен, в самой глубине души, что он действительно один из избранных? Он надеялся, что это так. И если в его собственной жизни присутствовали какие-то грехи, пусть совершённые по неосторожности, могли они служить знаком того, что его натура

развращена? Доктор даже думать об этом не хотел. Конечно, к греху было склонно множество людей. Но те, кто раскаивался, могли действительно спастись. А значит, если он сам и грешил, то раскаивался в том с полной искренностью. А его повседневное поведение, его ревностное служение Богу доказывало, как надеялся и верил доктор, что он и в самом деле не последний среди тех, кого избрал Господь.

День, когда Симеон Пинчер прибыл в Дублин, был тихим, дул лишь легкий ветерок. Его корабль бросил якорь в устье реки Лиффи. Лодочник перевез доктора на Деревянную набережную.

Не успел доктор Пинчер ступить на ирландскую землю, представленную старым причалом, как произошло странное событие и мир перевернулся вверх ногами.

Через некоторое время доктор обнаружил, что лежит вниз лицом, слышит ужасный грохот и неожиданно получает сильный удар в живот. Доктор с трудом повернулся, посмотрел вверх, моргая, и увидел человека, судя по одежде джентльмена, который отряхивал с себя пыль и с беспокойством глядел на доктора.

— Вы не пострадали?

— Не думаю, — ответил Пинчер. — А что случилось?

— Взрыв.

Незнакомец показал назад, и Пинчер, развернувшись, увидел, что посреди причалов, где он заметил высокое здание с подъемным устройством по соседству, теперь торчит каменный пень, а дома на противоположной стороне улицы превратились в почерневшие развалины.

Пинчер с благодарностью принял протянутую руку незнакомца и поднялся. Нога у него болела.

— Вы только что приехали?

— Да. В первый раз.

— Тогда идите, сэр. Кстати, меня зовут Мартин Уолш. Тут рядом есть гостиница. Позвольте мне проводить вас туда.

Оставив Пинчера в гостинице, любезный джентльмен ушел, чтобы осмотреть разрушения. Вернулся он примерно через час.

— Странное дело. Несчастный случай, без сомнения, — сообщил он и объяснил, что, похоже, искра, выбитая лошадиной подковой из камня мостовой, попала в бочонок с порохом, который переносил в пороховой склад большой грузоподъемный кран. — Вся нижняя часть Вайнтаверн-стрит разрушена. Даже здание собора Христа, расположенного выше по склону, дрогнуло. — Уолш

сухо улыбнулся. — Я слышал о чужаках, приносящих плохую погоду, сэр, но взрыв — это что-то новенькое. Надеюсь, вы не собираетесь и дальше причинять вред ирландцам.

Вполне добродушная шутка, и Пинчер прекрасно это понял. Но сам он не слишком умел шутить.

— Нет, — ответил он с мрачным удовлетворением, — если они не паписты.

— А-а... — Джентльмен грустно улыбнулся. — В Дублине их много, сэр.

Но только после того, как этот добрый самаритянин проводил его в Тринити-колледж и сдал на руки привратнику, доктор Пинчер обнаружил, что и сам мистер Уолш принадлежит римской вере. Это был неловкий момент, отрицать невозможно. Но разве могло Пинчеру прийти в голову, что этот добрый незнакомец, явно англичанин, явно джентльмен, окажется папистом? И, как и предупреждал его Уолш, он действительно с ужасом узнал, что многие благородные жители Дублина, даже самые высокопоставленные, тоже паписты.

Но это открытие всего лишь показало, понял доктор Пинчер, как много нужно здесь сделать.

1607 год

Вечер летнего дня. Мартин Уолш стоял с тремя своими детьми на мысе Бен-Хоут и смотрел через море. Его осторожный юридический ум был занят тщательными расчетами.

Мартин всегда был вдумчивым — староватым для своих лет, часто говорили о нем. Его мать умерла, когда мальчику было три года, отец, Роберт Уолш, — годом позже. Его вырастили дед, старый Ричард, и бабушка, и Мартин, привыкнув постоянно находиться в обществе пожилых людей, бессознательно перенял многие их взгляды и отношение к миру, в том числе и осторожность.

Уолш нежно посмотрел на дочь, пятнадцатилетнюю Энн. Он с трудом верил, что уже должен принять насчет нее решение. Уолш сжал письмо в кармане штанов и снова задался вопросом, как задавался уже много часов: стоит ли рассказывать ей об этом?

Вообще-то, замужество дочери — частное дело семьи. Но оно таковым не было. Не в эти времена. Уолшу очень хотелось, чтобы

его жена была жива. Она бы знала, как с этим справиться. Молодой Смит мог обладать хорошим характером, а мог и плохим. Уолш надеялся на лучшее. Но тут было нужно и кое-что еще. Принципы, естественно. И сила, без сомнения. А также не поддающееся определению и имеющее первостепенное значение качество — талант к выживанию.

Ведь для людей вроде самого Мартина — для преданных старых англичан — жизнь в Ирландии никогда не была еще более опасной.

Прошло четыре с половиной столетия с тех пор, как король Англии Генрих Плантагенет вторгся в Ирландию и, заняв место древнего ирландского верховного короля, силой вынудил вождей ирландских кланов формально признать его своим владыкой. Конечно, по другую сторону Пейла, области вокруг Дублина, вожди все равно оставались вождями, и вельможи Плантагенета, вроде Фицджеральдов, которые вскоре уже перестали слишком отличаться от ирландцев, правили островом на старый лад. Но семьдесят лет назад король Генрих VIII сверг Фицджеральдов и ясно дал понять, раз и навсегда, что Англия намерена напрямую управлять западным островом. Он даже принял на себя титул короля Ирландии.

Несколько лет спустя больной английский монарх Генрих VIII, сменивший шесть жен, умер. Около шести лет правил его сын Эдуард, слабенький мальчик, еще пять лет престол занимала его дочь Мария. А потом корону надела Елизавета, королева-девственница, и уже почти полвека она оставалась на английском троне. И эти монархи пытались управлять Ирландией, и все они находили это весьма нелегким делом.

На остров присылали лордов-наместников, и одним из них доставало мудрости, а другим — нет. Это почти всегда были английские аристократы со звучными именами или титулами: Сент-Леджер, Сассекс, Сидни, Эссекс, Грей. И они всегда сталкивались с одними и теми же традиционными ирландскими проблемами: старинные английские семьи — Фицджеральды и Батлеры — продолжали завидовать друг другу; ирландские вожди не выносили королевского надзора: в Ульстере могущественные О'Нейлы до сих пор не забыли, что когда-то были верховными королями Ирландии. И все — да, все, включая преданных английских сквайров вроде Уолшей, — были только рады отпра-

лять посланников к монарху, чтобы подорвать авторитет и власть лорда-наместника, если его решения им не нравились. Ведь наместники являлись сюда, чтобы превратить Ирландию во вторую Англию, а вовсе не для выгоды ирландцев. Вместе с ними явилась толпа искателей фортуны, так называемые новые англичане, жаждавшие получить землю. Некоторые из этих жуликов даже пытались утверждать, что происходят от давно забытых поселенцев Плантагенета и что у них есть право на ирландскую собственность.

И стоило ли удивляться, когда английские лорды-наместники обнаруживали, что Ирландия сопротивляется переменам, или новым налогам, или английским авантюристам, пытавшимся украсть землю? За время детства Мартина Уолша постоянно возникали бунты, особенно на юге, где Фицджеральды в Манстере ощущали угрозу. При этом многие не просто подозревали, а были уверены в том, что английские официальные лица намеренно пытаются возбудить беспорядки.

— Если они сумеют подтолкнуть нас к серьезному бунту, — приходили к выводу некоторые ирландские землевладельцы, — то сразу конфискуют наши поместья и наложат на них лапу. Вот что они задумали.

Но только в конце долгого правления Елизаветы было поднято настоящее восстание.

Из всех ирландских провинций Ульстер имел репутацию наиболее необузданного и самого отсталого. Ульстерские вожди наблюдали за продвижением английских порядков в других провинциях с отвращением и все нарастающим беспокойством. Самый крупный из них, О'Нейл, получивший образование в Англии и носивший английский титул графа Тиронского, обычно умудрялся поддерживать там мир. Но в конце концов именно Тирон и возглавил восстание.

Чего он хотел? Править всей Ирландией, как его далекие предки? Возможно. Или просто желал так напугать англичан, чтобы они предоставили ему владеть Ульстером как своей собственностью? Тоже возможно. Но он, как и Шелковый Томас за шестьдесят лет до него, воззвал к истинным католикам, в противоположность еретикам-англичанам, и отправил послание католическому королю Испании, прося войска. И на этот раз отряды католиков — четыре с половиной тысячи солдат — действительно прибыли. Граф Тирон и сам был опытным воином. Он разбил первые английские силы, посланные против него в Уль-

стер, в битве при Йеллоу-Форде, и люди поспешили к нему со всего острова. Это было всего десять лет назад, и никто в Дублине не знал, что может произойти, но затем Монтджой, жестокий и опытный английский военачальник, разбил Тирона и его испанских союзников в Манстере. И после этого Тирон уже ничего не мог поделать. В тот самый момент, когда старая королева Елизавета лежала в Лондоне на смертном ложе, граф Тиронский, последний из вождей Ирландии, капитулировал. Но англичане оказались на удивление снисходительны к нему: они позволили графу сохранить часть древних земель О'Нейлов.

На трон Англии взошел новый король — Яков, один из кузенов Елизаветы. Игра Тирона была закончена, и он это понимал. Но стало ли в Ирландии безопаснее?

Уолш смотрел на море. Справа от него раскинулся широкий Дублинский залив, уходивший к южному мысу и порту Долки. Слева — странный маленький островок с расщелиной в утесе — Ирландс-Ай, так теперь иногда называли этот островок люди. А по другую сторону залива, на севере, поднимались голубовато-серые горы Ульстера. Если он вообще собирался заговаривать на эту тему, решил Уолш, то теперь самое время.

Характер Мартина Уолша можно было угадать по его внешности. На мягких кожаных башмаках виднелось несколько пятен высохшей грязи и пыль, поскольку, доехав верхом до основания мыса, мимо замка его друга лорда Хоута, Мартин предпочел подняться на вершину пешком. Но его тщательно вычищенные утром штаны и дублет оставались все такими же чистыми. Поскольку день был теплым, Уолш скакал без плаща и даже без шляпы, и его волосы, пока еще каштановые, свободно падали на плечи, однако в небольшой остроконечной бородке уже пробивалась седина. Осторожный, чистоплотный, спокойный, негорделивый... семейный человек. И единственной посторонней вещью, которую мог бы заметить новый знакомец, был серебряный крестик, висевший на груди Мартина.

Письмо доставили Уолшу этим утром. Прочитав его и переварив содержание, Уолш мог прийти только к одному выводу: автор письма очень спешил, узнав, что Лоуренс и Энн собираются уехать.

— Я получил письмо от Питера Смита, — тихо сказал он. — Насчет его сына Патрика. Ты его знаешь?

Сыновья промолчали, хотя Лоуренс внимательно посмотрел на Энн, а потом вопросительно — на отца.

— Я с ним встречалась раз или два, отец, — ответила девушка. — Когда была с мамой в Дублине.

— Ты с ним разговаривала?

— Немножко.

— И что ты о нем думаешь... о его характере, я имею в виду?

— Что он честный и благочестивый.

— Он тебе понравился?

— Пожалуй, да.

Мартин Уолш немного подумал. Он не слишком близко знал ту семью. Смит — уважаемый дублинский торговец и католик. В этом Мартин не сомневался. А что еще? Смит жил в Дублине, лет двадцать назад он ссудил деньги одному землевладельцу к югу от города под залог имения. После этого, как то было в обычае у ирландцев, он мог пользоваться имением как своим до полной выплаты долга. На взгляд Уолша, Смит по меньшей мере наполовину был джентльменом. И в нем явно чувствовался аристократ. Вот только насчет происхождения этой семьи не было полной ясности, и Уолшу это не нравилось. Питер отвергал слухи о том, что его отец Морис — урожденный Фицджеральд. Макгоуэн утверждал, что на самом деле он был сыном О'Бирна из Ратконана в горах Уиклоу. Думайте как хотите. Однако в любом случае происхождение у него благородное. Но правда состояла в том, что Уолш практически не знал семью Смит. Он слышал, что у них несколько детей, но разузнать подробнее ему не удалось. Нужно действовать активнее. А вот его родственнику Дойлу наверняка все известно.

Что до письма Питера Смита, то тут все было понятно. После нескольких милых комплиментов в адрес дочери Уолша и ее репутации он спрашивал, не могли бы они обсудить возможность, только возможность, обручения этой драгоценности с его сыном, пораженным красотой девушки и ее чудесным характером.

— В письме говорится об обручении. Выглядит странным, что он готов просить твоей руки после столь краткого знакомства, — заметил Уолш.

Конечно, принцы могли жениться, всего лишь выслушав доклад посла и имея миниатюрный портрет невесты, но сквайры в окрестностях Дублина обычно знакомились семьями, прежде чем обвенчаться.

— Мне бы хотелось узнать его получше, отец, если он серьезно мной интересуется.

— Конечно, дитя мое. — Уолш кивнул и снова повернулся к морю.

Поэтому он не заметил взгляда Орландо, брошенного на сестру, и ее ответного предостерегающего взгляда.

Орландо был взволнован. И доволен собой. Потому что он догадался.

Впервые это произошло прошлым летом, когда Энн приехала домой из Франции. Они вместе отправились на прогулку и примерно в миле от дома встретили молодого человека. Энн и этот юноша как будто узнали друг друга, но незнакомца Орландо не представила. Они немного прошли вместе к каким-то деревьям, и там, найдя большой упавший ствол, Энн и этот человек сели поговорить, а Орландо тем временем изучал лесок. По какой-то причине Энн взяла с него обещание никому не говорить о той встрече; и Орландо весьма гордился тем, что старшая сестра так ему доверяет.

И хотя Орландо был на шесть лет моложе Энн, она играла большую роль в его жизни. Старший брат Лоуренс, которого Орландо считал героем, всегда был добр к нему, но брат учился за границей с тех пор, как Орландо вообще помнил себя, и потому дома появлялся лишь от случая к случаю. Еще два года назад Энн училась у отца Бенедикта, и уроки проходили в комнате, которую они называли классной, рядом с залом. И именно Энн, еще до того, как пришла очередь Орландо брать уроки у отца Бенедикта, научила его буквам, и именно она летними вечерами читала ему, а ее каштановые волосы падали в сторону, когда она склоняла голову, и Орландо прислонялся к ее плечу и, слушая, вдыхал нежный запах этих волос. Или же она рассказывала ему истории о разных глупых людях, и Орландо хохотал. Энн была прекрасной старшей сестрой.

Потом отец отослал ее в Бордо, в какую-то французскую семью.

— Я не хочу, чтобы моя дочь выросла как какая-нибудь провинциальная англичанка, — сказал он.

После первого года пребывания во Франции Энн вернулась довольно серьезной, но осталась приветливой и иногда взрывалась весельем. И раз уж она велела ему хранить тайну, Орландо скорее умер бы, чем выдал сестру.

В последующие недели они несколько раз отправлялись в поездки верхом на встречу с тем молодым человеком. Дважды они встречались на длинной полосе песчаного берега напротив маленького островка с расколотым утесом, и Энн вместе с юношей скакала вдоль берега, пока Орlando играл в дюнах. Каждый раз Энн просила брата хранить секрет, а родителям говорила:

— Возьму Орlando покататься по берегу.

Умнее ничего и не придумать было.

Когда этим летом Энн приехала домой, встречи возобновились. И еще Орlando получал от сестры письма, которые доставлял молодому человеку, ждавшему в ближнем лесу. Но Орlando до сих пор не знал имени юноши или характера этих встреч. А если время от времени он осмеливался спросить, ответы сестры лишь смущали его.

— Он передает мне письма для одной девушки в церковной школе во Франции. И рассказывает о ней. Вот и все.

— А он собирается ее увидеть?

— Когда-нибудь, полагаю.

— А он собирается на ней жениться?

— Это секрет.

— А как ее зовут? А его как зовут? А почему он передает письма через тебя? А почему нам нельзя узнать больше?

— Все это секреты. Ты слишком молод, чтобы понять. А если будешь приставать с вопросами, глупый мальчик, я больше не стану брать тебя с собой.

Орlando не слишком понимал, что все это значит, но вовсе не хотел, чтобы его оставляли дома, и потому спрашивать перестал. Но накануне утром Энн отвела его в сторонку и заставила пообещать никогда и никому не рассказывать о том, что он видел. И он поклялся своей жизнью, что будет молчать. Но конечно, гадал, почему это так.

И вот теперь он понял. Тот молодой человек, должно быть, и был сыном Питера Смита. И он ухаживал за Энн. И никто об этом не знал, кроме Орlando. Глаза мальчика сияли, когда он думал о своем участии в таком приключении. И если по какой-то причине Энн чувствовала, что должна обманывать отца, так об этом Орlando не думал ни секунды.

Лоуренс откашлялся. Выглядел он серьезным. Если между Мартином Уолшем и его старшим сыном и существовали какие-то разногласия, то оба старались скрыть это от Энн и Орlando,

в особенности после смерти их матери. И Лоуренс уважительно дал понять отцу, что хотел бы поговорить с ним наедине.

— А мы уверены, какую веру исповедует та семья? — осторожно спросил он, поскольку они затрагивали опасную тему.

Если Реформация, как серия землетрясений, проложила глубокие трещины по всей Европе, то в Ирландии поначалу трясло едва заметно. Король Генрих закрыл несколько монастырей и раздал их земли. Потом были разные грубые святотатственные действия, вроде сожжения святых реликвий в Дублине и утраты посоха святого Патрика. Но правление Эдуарда, короля-мальчика, во время которого и произошла протестантская революция в Англии, оказалось таким коротким, что у протестантов не нашлось времени для каких-то серьезных действий за морем, в Ирландии, а потом королева Мария вернула отцовское королевство Риму. В Англии ее звали Марией Кровавой, но ее стоило и пожалеть. Гордая, царственная, она видела, как отвергли и унизили ее мать. Не стоило удивляться тому, что она была яростно предана своему католическому наследию. И осознавала ли она вообще отвращение своих английских подданных, ценивших островную независимость, когда выходила замуж за кузена, Филиппа II Испанского? Но, оставшись бездетной, брошенная Филиппом, Мария вскоре умерла, а англичане велели ее испанскому муженьку больше к ним не соваться. Однако в Ирландии правление Марии оказалось достаточно спокойным. Монастырские земли, розданные Генрихом, не вернулись, правда, Церкви: ирландские джентльмены-католики не были настолько набожными, чтобы отказаться от того, что упало им в руки. Но в духовном плане правление Марии было возвращением к нормальной жизни.

И только во время долгого правления Елизаветы в Ирландии вновь начались религиозные проблемы. Но за это вряд ли можно было винить саму королеву.

Лозунгом королевы Бесс всегда был компромисс. Решено было, что должна существовать Общенациональная церковь, иначе возник бы беспорядок. Но Английская церковь, как представляла ее себе Елизавета, выглядела весьма умной смесью, которая, как все надеялись, удовлетворит и умеренных католиков, и протестантов. Послание королевы к подданным было предельно ясным: «Если внешне вы будете подчиняться правилам, верьте в душе во что хотите».

Но история была против Елизаветы. Вся Европа уже разделялась на вооруженные религиозные лагеря. Католики были пол-

ны решимости сражаться с еретиками-протестантами. Король Филипп Испанский, потерпев неудачу со своей кузиной Марией, предложил даже руку Елизавете, чтобы сохранить Англию для своего рода и для католицизма. Но подданные Елизаветы уже приняли протестантство, а некоторые даже стали пуританами, и когда в 1572 году французская королевская семья организовала массовую резню протестантов в ночь святого Варфоломея, когда были убиты тысячи ни в чем не повинных женщин и детей, католикам в Англии досталось не на шутку. Но самый сильный удар по надеждам Елизаветы на компромисс нанес сам Рим.

— Папа римский отлучил королеву от Церкви.

С этой новостью однажды явился домой дед Мартина Уолша Ричард.

Это было одно из событий раннего детства, которые Мартин запомнил.

— Ох, как бы мне хотелось, — не раз и не два повторял потом дед, — чтобы он этого не делал!

Католики больше не обязаны были хранить верность королеве. И вскоре государственный совет, боясь, что католики могут оказаться предателями, начал их преследование. Прибывших с континента священников арестовали как шпионов и мятежников. Кого-то из них казнили. А когда Филипп Испанский наконец отправил свою могучую Армаду за море, чтобы завоевать остров еретиков, — и мог бы преуспеть, если бы сильный шторм не разбросал его галеоны вдоль побережья, — большинство англичан пришли к самому простому выводу: католики — это враги.

Кроме, пожалуй, Ирландии.

— Во времена моего отца, — вспоминала иногда королева Елизавета, — иезуиты явились к О'Нейлам, чтобы защитить какого-то изменника, так О'Нейлы просто прогнали их.

А когда невезучие галеоны испанской Армады были выброшены на берег, граф Тирон безжалостно перерезал всю их команду просто для того, чтобы показать английской королеве: коренным ирландским лордам можно доверять. В Англии поняли: католическая вера как таковая вовсе не обязательно приводит ирландских вождей к конфликтам с короной. Что до старинных семей англичан, гордых своей преданностью, то почти все джентри и большинство торговцев были по-тихому католиками, и королева вместе с государственным советом пыталась найти равновесие.

Если Ричард Уолш не желал отвергать Рим ради Церкви Елизаветы — Церкви Ирландии, если ей угодно, — то он все же мог

сказать с кривой улыбкой: «Они так старательно следуют правильному внешнему виду, что почти начинаешь задумываться, а католики ли они вообще?» Тот, кто не посещал службы, должен был платить штраф, но эти штрафы не всегда удавалось получить. Даже католических священников, если они не доставляли хлопот, оставляли в покое. Но куда более серьезным и более оскорбительным было то, что католикам запрещалось занимать официальные должности.

— Но они же не могут на самом деле применять это правило, — любил напомнить Ричард. — Чаще всего единственный местный джентльмен, который годится для службы в магистрате, как раз католик!

И на это правило обычно не обращали внимания. При всех этих обстоятельствах люди вроде Ричарда Уолша могли сохранять двойственную преданность.

Но годы шли, и становилось все хуже. Явились новые англичане и стали занимать место под солнцем. Мало-помалу старых английских католиков вытеснили с официальных должностей. Законы против их веры ужесточились.

— С нами обращаясь как с чужаками в нашей собственной стране! — начали жаловаться старые англичане.

После смерти королевы Елизаветы трон перешел к ее кузену Якову Стюарту, шотландскому королю. Его энергичная мать, королева Мария Шотландская, была католичкой, и ее заговоры против еретички королевы Елизаветы в конце концов стоили Марии головы. Но ее сын Яков был приведен к протестантству шотландскими лордами. Однако, возможно, новый король проявил бы больше симпатии к преданным сквайрам-католикам в Ирландии. Имелись намеки на то, что он на это способен. До прошлого года.

5 ноября 1605 года. Эта дата потрясла всю Англию. Группа заговорщиков-католиков во главе с Гаем Фоксом попыталась взорвать здания парламента, палаты лордов, палаты общин и самого короля Якова, но об этом узнали многочисленные королевские шпионы. И в последующие века этот возмутительный исторический эпизод превратился в популярный стишок:

Запомните на века
события пятого ноября.
Порох, измена иговор.

Ведь нет причин забывать,
как мог бунт колыхать¹.

И после этого у английских пуритан и английского парламента не осталось никакого доверия к католикам.

И в каком положении оказались Уолши? В трудном. А возможно, могли однажды оказаться и в опасности. Так это понимал Мартин Уолш. И в таком случае какой ему нужен зять? Католик, конечно же. Уолш совершенно не желал иметь внуков-протестантов. Ему нужен был человек вроде него самого: преданный, но умный и воспитанный. Человек, который не позволит, чтобы сердце управляло головой. Готовый к компромиссу. Был ли молодой Смит таким человеком? Уолш не знал.

И только теперь он заметил, что все это время старший сын внимательно смотрел на него. Мартин улыбнулся:

— Не бойся, Лоуренс, я хорошенько все разузнаю, можешь быть уверен.

Но Лоуренс не улыбнулся в ответ. И Мартину даже показалось, что взгляд его сына был подозрительным и холодным. Наконец Лоуренс заговорил.

А Мартин, слушая его, слегка морщился и грустно глядел на Лоуренса. Отцу нелегко презирать собственного сына.

Лоуренсу очень хотелось промолчать. Ему было ненавистно огорчать доброго отца. Если бы только между ними не пролегла эта ужасная пропасть лжи, хотя Лоуренс все равно не знал, что с ней делать. Пропасть разверзлась из-за его образования.

Мартин купил чудесное имение в Фингале, на краю древней Долины Птичьих Стай, в самом сердце старого английского Пейла. Хотя его друг лорд Хоут присоединился к елизаветинской Церкви Ирландии, большинство местных джентри, вроде соседей Толботов из Мэлахайда, были католиками и нанимали католических наставников для обучения своих детей. Ведь самые серьезные компромиссы всегда встроены глубоко в систему. Деньги для содержания дома, например, доставлялись из поместья, которое жена Ричарда, урожденная Дойл, купила по дешевке, когда были разорены монастыри. Их родственники Дойлы — явно ради мирской выгоды — присоединились к Ирландской протестантской церкви десять лет назад. Лоуренсу это было про-

---

¹ Перевод с англ. Уинтера Фоллса. — *Здесь и далее примеч. перев.*

тивно, однако его отец, оставаясь добрым католиком, воспринял все философски и сохранил прекрасные отношения с протестантской родней. Вот только когда дело дошло до образования, подобный компромисс стал невозможен.

— Англичане не просто протестанты. Они превращаются в пуритан, — заявил Мартин. — Ты не можешь там учиться.

Но разве у них был выбор? В Ирландии всегда не хватало собственных университетов, но в недавнее время появилось новое учебное заведение — Тринити-колледж, его основали в Дублине, чтобы восполнить такую недостачу. Однако вскоре стало ясно, что Тринити-колледж предназначен в основном для новых английских протестантов, а потому католики, естественно, держались от него в стороне. И в таком случае оставались лишь семинарии и колледжи в континентальной Европе. И как многие другие джентльмены вроде него, Мартин Уолш отправил сына на континент — в Испанию, в Саламанку. И там, слава Богу, думал Лоуренс, он увидел совсем другой мир.

Когда могущественная Католическая церковь была вынуждена столкнуться с протестантской Реформацией, кое-кто воспринял это с яростью, но чаще храбрые и благочестивые католики смотрели на все иначе.

— Протестанты правы, — соглашались они, — когда говорят, что в Католической церкви слишком много продажности и суеверий. Но это не причина, чтобы разрушать тысячелетнюю духовную традицию. Мы должны очистить и обновить Святую церковь, и тогда вера воссияет новым ярким светом. И это священное пламя нужно будет защищать. Мы должны подготовиться к борьбе с врагами за нашу Церковь.

В результате родилось движение, известное как Контрреформация. Католическая вера — чистая, неиспорченная, простая, но сильная — намеревалась сопротивляться. Лучшие мужчины и женщины были готовы к битве. И где же Церковь могла найти рекрутов для этой великой цели? Конечно же там, где обучались лучшие молодые люди. В семинариях и церковных школах.

Лоуренс любил Саламанку. Он жил в Ирландском колледже и посещал университет, где был интересный и разнообразный курс обучения.

А в начале третьего года его пригласил к себе проректор и спокойно поинтересовался, чувствует ли Лоуренс в себе призыв к религиозной жизни.